

Р.Э.Бараш
СЕМЕЙНАЯ ИСТОРИЯ
И СЕМЕЙНАЯ ПАМЯТЬ
В РОССИИ 2020-х ГОДОВ

Раиса Эдуардовна Бараш — кандидат политических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН. Для связи с автором: raisabarash@gmail.com.

Аннотация. Обращаясь к методологическому разделению коммемориальных ресурсов, автор исследует, каким образом хроника и воспоминания, история и память реконструируют прошлое, одновременно влияя друг на друга. Эмпирическую основу исследования составляют данные опросов, проведенных научной группой Института социологии РАН осенью 2020 и весной 2022 г.

Задействованный автором массив социологических данных позволяет прояснить, как сегодня, в эпоху постпамяти, частная и семейная память наших соотечественников откликается на государственный исторический дискурс и в какой степени фамильная история выступает средством реконструкции национального прошлого. С ростом интереса россиян к собственной идентичности и включенности их в цифровую коммуникацию возрастает популярность генеалогических проектов, с помощью которых реконструируется не только семейная память, но и национальная история, меняется восприятие прошлого. Сведения об истории семьи — важнейший источник информации о национальной истории; эмоционально и содержательно насыщенные рассказы очевидцев повышают историческую заинтересованность их детей и внуков. История как ресурс идентичности превращает в творцов памяти, а значит, и истории носителей постпамяти — близких родственников, гражданское общество и бюрократию.

Одним из самых ярких примеров генеалогической мнемоники, ставший возможным благодаря постпамятной коммеморации, а также цифровизации архивных сведений о военном периоде, является проект «Бессмертный полк», который символически связывает национальную историю и семейную память. С помощью оцифрованных архивных данных и виртуальных генеалогических проектов многие россияне успешно реконструируют семейную историю, особенно когда неизвестные обстоятельства семейной истории ощущаются как «предчувствие» семейной памяти. «Недоговоренность» историй значительной части российских семей, прежде всего о периоде 1930—1950-х годов, порождает запрос на историческую достоверность, но восприятие прошлого через обстоятельства жизни родных и близких де-

дает такое восприятие менее категоричным, мотивируя к сдержанной и «принимающей» оценке истории, какой бы она ни была.

Ключевые слова: историческая память, традиция, идентичность, семейная память

**Память и история
как грани
прошлого**

Многочисленные коммемориальные ресурсы, составляющие и создающие прошлое, складываются в общем смысле из классической для memory studies дихотомии истории и памяти. Хроника и воспоминания непрерывно реконструируют не только прошлое, но и друг друга.

Эмоциональные образы памяти надстраиваются на каркас исторических фактов, «очеловечивая» историю обстоятельствами жизни реальных людей¹, одновременно придавая индивидуальной судьбе дополнительный смысл и цели², в том числе через сопричастность национальному прошлому. Память, включая «унаследованную», оживляет казенные мемориальные конструкции³, связывает семейные воспоминания с национальной историей⁴, наделяет прошлое понятными смыслами, подогревая интерес к истории⁵ и вместе с тем обрекая на забвение кажущиеся неприглядными былые события. Личным и семейным воспоминаниям люди доверяют охотнее, чем насыщенной фактами формальной истории⁶, но именно она задает актуальные рамки коллективной памяти⁷.

Коллективная память, как подчеркивает Алейда Ассман, это, строго говоря, не память и не воспоминание, а общественная конвенция, соглашение о том, что считать историей. Из исторических конвенций политика и идеология создают корпуса массовых представлений о значимом национальном прошлом⁸. Рейнхарт Козеллек называет частную память лишь условием возможных коллективных воспоминаний (Bedingungen Möglicher Erinnerungen)⁹, из которых при идейной поддержке власти складываются паттерны исторической памяти¹⁰. Из чувственной и изменчивой семейной памяти как повседневной изустной коммуникативной памяти вырастает связанная обычаями и ритуалами коллективная культурная память¹¹. Конвенции о трактовке прошлого утверждаются регулярной социальной коммуникацией¹².

Конструктивистская природа исторических символов не означает их фиктивности или манипулятивного характера¹³, но влияние социальных институций на индивидуальные представления о прошлом объективно велико¹⁴, особенно когда власть «секьюритизирует» символы прошлого¹⁵. Под влиянием традиций и коллективных представлений о прошлом человек регулярно возвращается к собственным воспоминаниям и семейной памяти, подсвечивая, дополняя и даже «ретушируя» их сюжеты¹⁶.

Интересу к семейной памяти способствует современный «презентизм», подчинение настоящего прошлому¹⁷. Прежде всего — через

¹ Ассман 2004: 21—22.

² Лоуэнталь 2004: 91.

³ Ассман 2016: 15.

⁴ Хириш 2016.

⁵ Хальбвакс 2005: 22—23.

⁶ Лоуэнталь 2004: 335—336.

⁷ Хальбвакс 2005, 2007: 34.

⁸ Ассман 2014: 27.

⁹ Koselleck 2001: 20.

¹⁰ Сонтаг 2014.

¹¹ Ассман 2004: 52—54.

¹² Антоновский 2015: 47.

¹³ Ассман 2014: 28.

¹⁴ Ассман 2019: 43.

¹⁵ Миллер 2020.

¹⁶ Хальбвакс 2007: 151.

¹⁷ Hartog and Brown 2015.

- политизацию истории, когда для описания настоящего используются хорошо известные метафоры прошлого¹⁸, а посредством сочетания целенаправленного запоминания и забвения¹⁹ определяются наиболее важные и значимые сюжеты национальной исторической памяти²⁰. Так, по замечанию Ивана Куриллы, использование абсолютно негативно окрашенного понятия «нацизм» позволяет описать оппонента недвусмысленно отрицательным образом. Историческими метафорами, влияющими на восприятие актуальной повестки, являются и другие слова военного времени, например «каратели» и «ополченцы»²¹.
- Частная память действительно чувствительна к историческому дискурсу, но, выступая источником реконструкции прошлого, сама влияет на него. Особенно после «перформативного поворота» в обществоведении, в результате которого догматическая трактовка истории сменилась реконструкцией прошлого через судьбы реальных людей²², превратив семейное прошлое в источник персональной идентичности²³ и даже коллективного самоопределения²⁴.
- Семейная память — ресурс не только исторического знания, но и идентичности, позволяющей людям ощутить себя частью истории²⁵, продолжающегося «генеалогического проекта»²⁶, «великого замысла, выходящего за пределы мимолетного промежутка отдельной человеческой жизни»²⁷, когда персональная биография и глобальная история переплетаются в семейной истории²⁸.
- Интерес к истории семьи поддерживают генеалогические ресурсы с широкими возможностями до-исследования фамильной истории вроде MyHeritage, FamilyTreeDNA, 23andMe, Ancestry.com, где не только онлайн, но и посредством ДНК-тестов можно найти неизвестных ранее родственников, установить примерную географию проживания далеких предков. Это делает творцами истории даже тех, кто не обладает унаследованной семейной памятью, а раскрывает ее обстоятельства самостоятельно.
- Если раньше коммуникативная изустная память сменялась культурной, материальной и лишь с уходом свидетелей превращалась в историю²⁹, то перформативный характер памяти эпохи постмодерна наделил правом «авторства памяти» не только очевидцев прошлого, но и носителей постпамяти — детей, внуков и даже «коллективных наследников».
- Марианна Хирш пишет о «буме памяти» 2010-х годов, когда «поколение внуков», не будучи прямым участником или очевидцем исторических событий, создало целый пласт художественных произведений и исследовательских работ, выстроенных вокруг унаследованных от старших поколений материальных примет прошлого (свидетельств, фотографий, документов), а также «слепых зон» опыта, страха и опасений, появившихся в результате травмы, утраты, скорби или молчания³⁰. Так, графический роман «Маус» Арта Шпигельмана и книги Петера Сихровски рассказывают о судьбах участников исторических событий от лица их детей и внуков.

¹⁸ Курилла 2021: 109.

¹⁹ Лоуэнталь 2004: 323.

²⁰ Цатурова 2018: 62.

²¹ Курилла 2021: 116.

²² Bertens 2019.

²³ Schechner 2013: 28.

²⁴ Бараш 2011.

²⁵ Holland 2008: 118.

²⁶ Ireland 2020.

²⁷ Csikszentmihalyi and Rochberg-Halton 1981: 145.

²⁸ Чалфен 2010.

²⁹ Ассман 2004: 241.

³⁰ Хирш 2021: 13.

Помимо прямых потомков очевидцев, проводниками постпамяти становятся интеллигенция, государственные чиновники, а также представители гражданского общества. В российских условиях постпамять, направленная на мемориализацию эмоционально нагруженных событий советского прошлого, не только трагических (как у Хирш), но и позитивных, резонирует с усилиями бюрократии и государственных медиа по реставрации постсоветской ностальгии³¹.

³¹ Бараш 2017.

Кодифицируя образы прошлого, общественные институты воспроизводят их посредством ресурсов «культурной памяти»³², многообразных способов овещствления и передачи прошлого. На материальность трансляции прошлого посредством «мест памяти» указывал еще Пьер Нора, определяя последние как «объекты ритуала», наделенные «символической аурой» воспоминаний, сочетающие свойства материальной, символической и функциональной коммемораций³³, в которых национальная «память кристаллизуется и находит свое убежище»³⁴.

³² Ассман 2004: 157.

³³ Нора (ред.) 1999: 39.

³⁴ Там же: 17.

В качестве «мест памяти» могут выступать географические объекты, памятники, символы, праздники и т.д. К ним относятся, например, национальный календарь и пантеон национальных героев, посредством которых современные политические нации как «воображаемые сообщества»³⁵ маркируют ключевые для себя вехи суверенной истории. С развитием цифровой коммуникации и ростом интереса людей к собственным корням³⁶ в ресурс «культурной памяти» превращается и генеалогия, особенно в формате поддерживаемых государством мнемотических проектов, с помощью которых воспроизводится не только семейная память, но и национальная история³⁷.

³⁵ Андерсон 2001.

³⁶ Барт (ред.) 2006: 10.

³⁷ Ерл 2011: 313.

Ярчайшим примером генеалогической мнемотики, символически связывающей национальную историю и семейную память, является проект «Бессмертный полк». Родившись из региональной гражданской инициативы начала 2010-х годов, за 10 лет своего существования проект благодаря не только живому отклику наследников памяти, но и усилиям бюрократии превратился в один из главных символов причастности почти каждой современной российской семьи к общему делу Победы. Постепенно к семейной памяти о Великой Отечественной войне добавилась коммеморация участия россиян в других военных конфликтах, а оригинальный активистский формат модифицировался в институционализированную структуру Общероссийского общественного гражданско-патриотического движения «Бессмертный полк России» с широкой сетью региональных отделений и международных координаторов. Изначально локальный проект стал глобальным: был создан тематический интернет-портал, где каждый желающий мог создать страницу памяти ветерана, разместив подробную информацию о его подвиге. Таким образом, из элемента межпоколенной семейной коммуникации шествие трансформировалось в «место памяти» национальной истории и за десятилетие приобрело черты национального ритуала и «изобретаемой традиции», сделав процесс постпамятной реконструкции истории непрерывным.

Любая национальная история, отмечает Ричард Шехнер, есть не достоверная реконструкция прошлого, а постоянное его дополнение, в том числе и обстоятельствами семейной памяти. В любом историческом нарративе борются несколько версий прошлого, каждая из которых, несмотря на кажущуюся полноту, имеет «дыры недосказанности», сквозь которые просвечивают неизвестные или замалчиваемые факты³⁸. Это означает нескончаемость процесса исторической реконструкции и изменчивость символов национального прошлого (которые, по оценке Шехнера, обновляются каждые 20–30 лет)³⁹.

³⁸ Schechner 2013: 145.

³⁹ Ibid.: 82.

Ресурсом исторической реконструкции (вернее, деконструкции) выступает «противопамять» — версия истории, альтернативная канонической, сложившаяся как ответ сообществ, субкультур или семей на историческую несправедливость и/или травму⁴⁰. Наполнение и дополнение семейной памяти неизвестными ранее фактами порождает запрос на достоверную и справедливо истолкованную версию национальной истории — как это было, например, с Денисом Карагодиным, чей интерес к трагической судьбе прадеда превратился в расследование преступлений НКВД.

⁴⁰ Хирш 2021: 11.

Могут ли открывшиеся сегодня многообразные возможности исследования, до-раскрытия семейной истории стать основанием реконструкции отечественной истории? Попробуем ответить на этот вопрос, обратившись к социологическим данным.

⁴¹ Степанова 2017: 16.

Особенности семейной памяти россиян

Память значительного числа российских семей, как пишет Мария Степанова, наполнена «призраками» и «теньями», пробелами в знании о прошлом. Неизвестность окружает жизнь не только тех, кто исчез в жерновах российской истории, но и тех, кто был не героем или фигурантом истории, но ее условным «квартирантом», пытавшимся скрыться из виду и спрятаться от магистрального хода событий⁴¹. Многие старались вести незаметную жизнь и избегали делиться своими воспоминаниями с детьми. Ведь еще относительно недавно было принято скрывать общественно порицаемые обстоятельства биографии вроде судимости, особенно по «политическим статьям», родственников, живущих за рубежом или находившихся на оккупированных территориях⁴², и даже национальности.

⁴² Жить 2017.

⁴³ Здесь и далее, если не оговорено иное, использованы данные опросов, проведенных научной группой Института социологии РАН осенью 2020 и весной 2022 г. в 22 субъектах РФ. Объем выборочной совокупности — 2 тыс. респондентов, репрезентирующих взрослое население страны по параметрам пола, социально-профессионального статуса, уровня образования и типа населенного пункта.

Это подтверждают и материалы социологических исследований⁴³. Большинство россиян знают историю жизни только самых близких поколений — родителей, бабушек и дедушек (60%). О более длительной истории семьи (не менее четырех предшествующих поколений) осведомлена только пятая часть (21%) наших сограждан, и почти столько же (19%) вообще не имеют о ней представления, затрудняясь с ответом (8%) либо ссылаясь на то, что в их семье не принято вспоминать прошлое (11%). Семейной историей интересуются в первую очередь люди с высшим образованием, среди которых четверть (24%) знакома с историей не менее чем четырех поколений предков. Но и в этой

группе большинство (62%) знает о жизни лишь своих родителей и их родителей⁴⁴.

⁴⁴ Горшков (ред.)
2022: 93.

В отсутствие цивилизованной общественной дискуссии о коллективной памяти и идентичности многие сюжеты прошлого не были проговорены и тем самым завершены; в обществе не сложился дискуссионный формат и даже общий язык обсуждения прошлого⁴⁵. Не только вечерашние оппоненты, но и их дети оказались не готовы к откровенному разговору о прошлом, предпочитая замалчивать его.

⁴⁵ Эппле 2020: 12.

До середины 2010-х годов личное и семейное прошлое воспринималось преимущественно пассивно созерцательно⁴⁶, история дома обсуждалась редко⁴⁷, а семейная память базировалась на каноничном «цитировании» прошлого⁴⁸, неоспоримом пиетете к достижениям предшествующих поколений⁴⁹, что формировало консенсусную интерпретацию национальной истории, прежде всего советского ее периода. Тем более что в доцифровую эпоху история семьи пополнялась лишь ограниченным корпусом официальных сведений и семейных свидетельств, лимитировавших ее «ревизионистский потенциал». Национальное прошлое было «двуслойным», включая в себя, с одной стороны, идеологизированную и героизированную государственную историю, а с другой — память гражданского общества, мотивированную желанием знать историю семьи, города, края. Две версии прошлого существовали параллельно, но по мере освоения людьми новых инструментов работы с прошлым, в первую очередь виртуальных, стал расти интерес к семейной памяти, поиску, восстановлению и сохранению знания о судьбах родных⁵⁰.

⁴⁶ Покида и Зыбуновская 2016: 102.

⁴⁷ Россияне 2011.

⁴⁸ Бессмертное советское 2017.

⁴⁹ Три четверти 2020.

⁵⁰ Юдин и др. 2017: 3.

Цифровизация расширила круг источников исторического знания, сделав доступными околоисторические и архивные онлайн-ресурсы, генологические форумы, содержащие копии личных документов, семейные фотоматериалы и свидетельства очевидцев, что превратило историческое знание в перманентно обновляющийся и расширяющийся массив данных, постоянно востребованных неограниченной аудиторией, реконструирующей, а нередко и конструирующей прошлое⁵¹. Таким образом, благодаря современным средствам коммуникации личное, семейное свидетельство начало превращаться в национальную историю⁵².

⁵¹ Аникин 2017.

⁵² Гудков 2010: 43—44.

Согласно данным Института социологии РАН, семейная память — один из основных источников информации об истории страны для трети (32%) россиян. Популярнее только исторические художественные (45%) и документальные (40%) фильмы. Важными источниками исторической информации являются также музеи и экскурсии (24%), школьные и вузовские учебники истории (21%), историческая научная литература (19%), специализированные программы и ток-шоу на телевидении (13%), мемуары, воспоминания видных исторических деятелей (12%)⁵³.

⁵³ Горшков (ред.): 91.

Интернет-ресурсы по исторической тематике почти столь же востребованы и популярны в качестве источника исторической информа-

⁵⁴ Там же. ции, как и семейная память (26%)⁵⁴. При этом среди активных пользователей интернета и социальных сетей каждый третий (30—33%) считает историю своей семьи важным источником сведений об истории страны⁵⁵.

⁵⁵ Там же: 94. Неудивительно, что вместе с интересом к семейному прошлому растет и интерес к национальной истории⁵⁶. А информированность об истории страны существенно зависит от степени информированности людей об истории своей семьи⁵⁷. В 2020 г. среди россиян, хорошо знающих историю России, каждый третий (39%) был знаком с обстоятельствами жизни более чем трех поколений своих предков. Показательно, что в этой группе доля тех, в чьих семьях не было принято вспоминать прошлое, составляла лишь 2%, тогда как среди плохо знающих — 19%. Обладатели же общих представлений об отечественной истории имели столь же общие представления об истории собственной семьи: большинство из них (65%) хорошо знали о жизни лишь ближайших поколений родственников⁵⁸.

⁵⁸ Горшков (ред.) 2022: 98.

Интересу россиян к семейной истории способствует последовательная государственная политика, в рамках которой семья провозглашается основой укрепления суверенитета страны⁵⁹, базовой составляющей национальных духовно-нравственных ценностей⁶⁰, основанием «разумного, здорового и умеренного консерватизма»⁶¹. Особенно живой отклик вызывают государственные инициативы по поддержанию семейной памяти о Великой Отечественной войне. Война коснулась практически каждой российской семьи, и представления большинства наших соотечественников о военном времени строятся не на абстрактных фактах из учебников истории, а на рассказах родных и близких об их подвиге по защите Родины, о жизни в тяжелейшее для страны время.

⁵⁹ Указ 2022.

⁶⁰ Путин 2021.

⁶¹ Колтон 2022.

Созданные к 70-й годовщине Победы интернет-ресурсы «Подвиг народа» и «Память народа», содержащие миллионы документов о фронтовиках, соединяют память семейную и память национальную, государственную. Каждый может уточнить судьбу родных, принимавших участие в боевых действиях: воинское звание, награды и знаки отличия, место службы, то есть в прямом смысле увидеть их вклад в общую победу.

⁶² Горшков (ред.) 2022: 89.

⁶³ Там же: 103.

⁶⁴ День Победы 2023.

В современной России память о родных, участвовавших в Великой Отечественной войне, всеобъемлюща, подавляющее большинство россиян (82%) хранят память об участии членов своих семей в военных действиях либо в работе в тылу⁶². Среди них 44% знают о жизни своих родных в военное время в подробностях, еще 38% — в общих чертах⁶³. Поэтому для россиян так значим День Победы — не случайно, согласно опросам ВЦИОМ, с 2018 г. он возглавляет список наиболее важных для них праздников⁶⁴. Значимость 9 мая обусловлена не только пиететом по отношению к победителям фашизма, но и тем, что почти для каждой семьи — это личный праздник, связанный с памятью о родных и их подвиге в военное время.

Вырабатывая в 1991 г. основания национально-государственной идентичности⁶⁵, российская власть обращалась к наличным символическим ресурсам, среди которых доминировали советские образы⁶⁶, а память о Великой Отечественной войне являлась важнейшей социализирующей точкой, ключевым нарративом коммуникации государства с гражданами⁶⁷, поддерживающим идеологемы единства государства и народа и сильной власти⁶⁸.

До 2010-х годов дискурс защиты национальной памяти был характерен скорее для внешнеполитической повестки, где Россия противостояла набиравшей силу в ряде центрально- и восточноевропейских стран тенденции к переосмыслению советской истории⁶⁹. В протестные 2011—2012 гг. и особенно после 2014 г. российское руководство сосредоточилось на последовательном продвижении культа российского государства⁷⁰, одним из базовых оснований которого выступала героическая память о Великой Отечественной войне, и задача защиты «исторической правды» стала элементом и внутренней повестки. В 2013 г. Владимир Путин выступил с инициативой о создании единой линейки школьных учебников истории. В подготовленных в ходе реализации этой инициативы учебниках проводилась, помимо прочего, мысль о том, что советское прошлое является личным прошлым каждого гражданина и его семьи, делая таким образом «коллективную идентичность» ресурсом реконструкции былых практик⁷¹.

К началу 2020-х годов история заняла место политики⁷², а власть обозначила свою патерналистскую позицию⁷³ по отношению к национальному прошлому и намерение монополизировать его трактовку, особенно применительно к Великой Отечественной войне. Принятым еще в 2014 г. законом о противодействии попыткам посягательства на историческую память в отношении событий Второй мировой войны государство, по сути, объявило историю военного времени вопросом национальной безопасности⁷⁴, криминализовав любые ее неканонические версии.

Идею защиты памяти о Великой Отечественной войне многие восприняли позитивно, проецируя ее на собственную семейную память. В 2020 г. 53% россиян были убеждены, что от трактовки исторических событий во многом зависит будущее страны и потому «борьба за прошлое» имеет большое политическое и международное значение, и только 37% полагали, что нужно больше думать о настоящем и будущем, оставив прошлое историкам и архивистам⁷⁵.

Современные россияне вообще тяготеют к устойчивым историческим трактовкам: 48% выступают за единообразие в понимании основных исторических событий. Тех, кто считает, что оценки некоторых исторических событий и политических деятелей могут меняться со временем, заметно меньше — 39%⁷⁶. Очевидно, что за желанием «закрепить» исторические интерпретации стоит стремление не только обеспечить преемственность государственной традиции⁷⁷, но и сохранить

⁶⁵ Малинова 2015: 5.

⁶⁶ Каспэ 2012: 127.

⁶⁷ Курилла 2022: 111.

⁶⁸ Копосов 2011: 164.

⁶⁹ Курилла 2014.

⁷⁰ Gliszczynska-Grabias, Belavusau, and Malksoo 2021: 11.

⁷¹ Копосов 2011: 159—160.

⁷² Курилла 2021.

⁷³ Kharaeva 2016.

⁷⁴ Баунов 2021.

⁷⁵ Горшков (ред.) 2022: 73.

⁷⁶ Там же: 75.

⁷⁷ Эткнд 2016: 366.

⁷⁸ Николаи и Хазина 2013.

привычное восприятие семейной истории и ощущение достоверности собственных «постпамятных» представлений о прошлом⁷⁸.

Но Великая Отечественная война — не единственное событие в истории страны, память о котором сохраняется в российских семьях. Интерес к судьбе родственников в военный период постепенно перерастает в более широкий интерес к фамильной истории. Многие семьи не только непосредственно испытали на себе сложнейшие перипетии отечественной истории (революция, гражданская война, репрессии 1930—1950-х годов), но и сумели сохранить память о них и даже передать свои свидетельства детям и внукам.

⁷⁹ Горшков (ред.) 2022: 132—133.

В 2022 г. пятая часть (21%) россиян уверенно заявляла, что их семьи пострадали от сталинских репрессий и раскулачивания. Еще около четверти были осведомлены об участии своих предков в Гражданской войне и даже точно знали, какую сторону занимали их родные: у 16% они поддерживали «красных» (большевиков), у 6% — «белых»⁷⁹. В данном случае примечательна не только хорошая информированность о семейной истории вековой давности, но и мирное сосуществование в одной стране потомков некогда непримиримых идеологических противников.

⁸⁰ Там же: 132.

Семейная память россиян сочетает противоречивые свидетельства и об относительно недавнем прошлом. Так, для 9% из них 1990-е годы — это время, когда их семьи достигли успеха, воспользовавшись открывшимися возможностями рыночной экономики и политической свободы. Однако немало (13%) и тех, для чьих близких преобразования 1990-х годов обернулись катастрофой. Не менее показателен и другой пример. В ходе опроса 2022 г. выяснилось, что за последние 20 лет родственники каждого десятого (11%) респондента сумели добиться на родине заметных профессиональных успехов (найти высокооплачиваемую работу, построить карьеру, открыть свое дело), тогда как у 7% родные уехали из страны в поисках лучшей доли за рубежом⁸⁰.

⁸¹ Эпле 2020: 11.

Пересечение противоречивых свидетельств об одних и тех же исторических периодах в семейной памяти очень жизненно описывает Николай Эпле на примере собственной семьи: два его родственника одного поколения, бывшие очевидцами событий 1930-х годов, хранили такие разные воспоминания, словно прожили свои жизни в разных странах: для одного репрессии были мифом и «поклепом», для другого — ежедневной реальностью⁸¹. Бывает, что в одной семье оказываются «и жертвы, и палачи», как в случае с внучкой сотрудника НКВД, участвовавшего в преследовании прадеда Карагодина, которая узнала об обстоятельствах жизни своего предка только спустя годы после его смерти⁸².

⁸² Акт 2016.

Тайна, молчание, неизвестность — важнейшие составляющие истории и памяти многих российских семей. Не случайно одна из мемориальных гражданских инициатив, посвященная жертвам политических репрессий, называется «Возвращение имен», будучи, по словам

⁸³ Эппле 2020: 106. Эпле, и своего рода поминовением, и символическим актом восстановления справедливости и возвращения отнятого⁸³.

⁸⁴ Ассман 2019: 35. Семейная память в России действительно нередко соединяет в себе как проговоренное, запомненное прошлое, так и прошлое забытое, элементы которого, однако, присутствуют в памяти. Ощущая недосказанность и недорассказанность семейной истории, многие российские семьи сохраняют то, что Ассман называла «сберегающим забвением» как промежуточным состоянием между активным воспоминанием и полным забвением⁸⁴.

⁸⁵ Ассман 2016: 9—10. Если коллективная память о Великой Отечественной войне пронизана семейными воспоминаниями победителей, то постпамять потомков немногочисленных выживших в репрессиях «растворяется» в семейной памяти тех, кого события 1930—1950-х годов не затронули. Людей, «уполномоченных» семейной памятью свидетельствовать от лица очевидцев о тех событиях и претендовать на их интерпретацию⁸⁵, сегодня очень мало.

⁸⁶ Горшков (ред.) 2022: 108. В противоположность акции «Бессмертный полк», которая, благодаря искреннему интересу потомков, поддержанному бюрократией, превратилась в один из ключевых механизмов коммеморации войны и Победы, память о жертвах 1930—1950-х годов деятельно сохраняют буквально единицы носителей семейной памяти и энтузиасты гражданских инициатив «Возвращение имен» и «Последний адрес». В 2020 г. в проекте «Последний адрес», направленном на увековечивание памяти жертв сталинских репрессий, участвовал лишь 1% россиян; большинство же (71%) о нем даже не слышало⁸⁶.

⁸⁷ Семейная память 2018. Участие в увековечивающих мероприятиях буквально единиц связано прежде всего с тем, что большинства семей сталинские репрессии прямо не коснулись или, во всяком случае, не отложились в семейной памяти. А воспоминания, в отличие от рукописей, не горят, только если их сохраняют люди, равнодушные к истории своей семьи⁸⁷.

⁸⁸ Горшков (ред.) 2022: 107. В 2020 г. 39% россиян заявляли, что их семью репрессии 1930—1950-х годов не затронули. Точно знали, что члены их семьи пострадали от сталинских репрессий, 24%, из которых 10% были хорошо информированы о том, как это происходило, а 14% знали лишь о факте репрессий. Остальные же 38% смутно представляли себе судьбу своих родных в 1930—1950-е годы, основываясь в своих предположениях о прошлом на обрывочных сведениях, собственных догадках и «туманных» рассказах родственников⁸⁸.

⁸⁹ Немцев 2016. Посредством «сберегающего забвения» россияне сохраняют память о прошлом своих родных как «предчувствие» семейной памяти, предпосылку ее до-раскрытия. Выстроенное на обрывках фактов, это «предчувствие» памяти полно догадок, неясных страхов⁸⁹, способствуя складыванию «спирали молчания» о 1930—1950-х годах. Не имея достоверных сведений об истории своей семьи в тот период, многие несут в своем образе мыслей и привычках унаследованные от поколения очевидцев навыки осторожного поведения, речевой цензуры. Как пишет

о том времени в своей полной страшных подробностей автобиографической книге Тамара Петкевич, немалая часть освободившиеся из лагерей осознанно не возвращалась к своим семьям, руководствуясь установкой: «Не появляйся! Не ломай! Не вторгайся! Не мешай налаженной жизни!»⁹⁰

⁹⁰ Петкевич 1993: 335.

Эмоционально точно эффект постравматического забвения периода репрессий описывает Юрий Дудь* в фильме с говорящим названием «Колыма — родина нашего страха», отмечая, что атмосфера всеобщего молчания и привычка быть осторожным, не привлекать к себе внимание и не высовываться коренится в массовом страхе советских людей перед репрессиями и безжалостной системой ГУЛАГа⁹¹. Показательно, что в качестве одного из мотивов, подтолкнувшего его к созданию фильма, автор называет крайне низкую информированность российской молодежи о сталинских репрессиях.

⁹¹ Колыма 2019.

Такая непроговоренность семейной, а значит, и национальной истории порождает запрос на историческую достоверность. В 2020 г. большинство (61%) россиян считали, что новым поколениям нужно полнее и честнее рассказывать не только о героическом прошлом нашей страны, но и о трагических страницах ее истории, и лишь менее трети (29%) не хотели «ворошить» былое⁹².

⁹² Горшков (ред.) 2022: 111.

Чаше других идею объективного и подробного описания прошлого поддерживают люди, хорошо знакомые с историей своей семьи. Так думают 69% тех, кто знает о судьбах прадедушек и прабабушек и даже их родителей. Возможно, дело в том, что в семьях с длинной исторической памятью не принято замалчивать прошлое, каким бы оно ни было. А может, интерес к генеалогии, как и персонификация прошлого через обстоятельства жизни родных, делает восприятие прошлого менее категоричным, мотивируя к сдержанной и «понимающей» оценке истории.

Люди же, в чьих семьях не сложилась традиция межпоколенной передачи семейной истории, ненамеренно или целенаправленно замалчивалось фамильное прошлое, более других (в 39% случаев) склонны полагать, что нельзя постоянно «ворошить» трагические страницы отечественной истории, так как это раскалывает общество и мешает его консолидации. Впрочем, даже в этой группе половина (50%) выступает за историческую честность и объективность⁹³.

⁹³ Там же: 112.

* * *

Таким образом, можно констатировать, что семейная память, будучи одним из ключевых источников исторического знания в России, существенно влияет на восприятие национальной истории. Персонализация национального прошлого через судьбы родных и близких наделяет россиян более чуткой «исторической оптикой». Хорошее знание фамильной истории повышает интерес к истории национальной и одновременно связывает историю страны и историю семьи: под

влиянием традиций и коллективных представлений о прошлом люди регулярно возвращаются к собственным воспоминаниям и семейной памяти.

Частная память всегда чувствительна к официальному историческому дискурсу, особенно постпамять наследников очевидцев драматических событий, для которых участие их близких в этих событиях составляет часть личной идентичности. Государственные инициативы, направленные на поддержание памяти о Великой Отечественной войне, находят отклик в российском обществе прежде всего потому, что подавляющее большинство россиян хранит память о военном прошлом своих родных, а День Победы воспринимает как семейный праздник. Постпамятная коммеморация российскими семьями подвига победы в Великой Отечественной войне превращает ее в «точку сборки» современной российской идентичности.

Вместе с тем семейная память многих россиян ограничена: они не только не знают обстоятельства жизни поколений старше бабушек и дедушек, но и часто лишь смутно догадываются о судьбах ближайших родственников. Недоговоренность порождает запрос на историческую достоверность. В условиях широкого доступа к цифровым источникам исторического знания и особенно генеалогии немалая часть наших соотечественников пытается реконструировать семейную историю, особенно когда ее забвение ощущается как предчувствие памяти.

Библиография

«Акт гражданского согласия и примирения». (2016) // *Исследование Карагодина*, 21.11. URL: <https://karagodin.org/?p=11119> (проверено 17.08.2023).

Алексеев А. (2008) «Память семейная и историческая: точки пересечения и разрывы (гипотеза о влиянии семейной памяти на мировосприятие)» // *Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований*, № 5: 49—50.

Андерсон Б. (2001) *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: КАНОН-пресс-Ц; Кучково поле.

Аникин Д.А. (2017) «Визуализация исторической памяти в сетевом обществе: методологические основания исследования» // *Logos et Praxis*, т. 16, № 3: 32—39.

Антоновский А.Ю. (2015) «Понимание и взаимопонимание в научной коммуникации» // *Вопросы философии*, № 2: 45—57.

Ассман А. (2014) *Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2016) *Новое недовольство мемориальной культурой*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман А. (2019) *Забвение истории — одержимость историей*. М.: Новое литературное обозрение.

Ассман Я. (2004) *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры.

Бараш Дж.Э. (2011) «О воображении и месте коллективной памяти в общественной сфере» // *Философские науки*, № 2: 83—96.

Бараш Р.Э. (2017) «О некоторых причинах „советской“ ностальгии и особенностях исторической памяти россиян о советском периоде» // *Социологическая наука и социальная практика*, т. 5, № 4: 124—151.

Барт Ф., ред. (2006) *Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий*. М.: Новое изд-во.

Баунов А. (2021) «Раздвоение памяти. Зачем закрывают „Мемориал“» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.11. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/85782> (проверено 17.08.2023).

«Бессмертное советское: Как прошлое остается в семейной памяти». (2017) // *ВШЭ*, 13.12. URL: <https://iq.hse.ru/news/212977562.html> (проверено 17.08.2023).

Горшков М.К., ред. (2022) *Историческое сознание россиян: оценки прошлого, память, символы (опыт социологического измерения)*. М.: Весь Мир.

Гудков Л.Д. (2010) «Время и история в сознании россиян (часть II)» // *Вестник общественного мнения*, № 2 (104): 13—61. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m4pa41dnbu/direct/79882243> (проверено 27.08.2023).

«День Победы — 23: Военный парад, георгиевская ленточка и „Бессмертный полк“ — главные элементы праздника 9 Мая». (2023) // *ВЦИОМ*, 4.05. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (проверено 25.09.2023).

«Жить с чистого листа опасно: „Огонек“ о том, к чему приводит разрыв исторической памяти». (2017) // *Огонек*, 10.07. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (проверено 17.08.2023).

Каспэ С.И. (2012) *Политическая теология и nation-building: общие положения, российский случай*. М.: РОССПЭН.

Колтон Т. (2022) «В чем смысл путинского консерватизма?» // *Россия в глобальной политике*, 28.01. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/> (проверено 17.08.2023).

«Колыма — родина нашего страха». (2019) // *Youtube*, 23.04. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oo1WouI38rQ> (проверено 17.08.2023).

Копосов Н. (2011) *Память строгого режима: История и политика в России*. М.: Новое литературное обозрение.

Курилла И. (2014) «Исторический язык власти в 2014 году. Академическая версия эволюции исторического языка В.В.Путина в 2014 году: „безудержная инструментализация истории“» // *Гептер*, 26.12. URL: <https://gefter.ru/archive/13920> (проверено 17.08.2023).

Курилла И. (2021) «История как язык политики» // *Новое прошлое*, № 1: 104—126.

Курилла И. (2022) *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. М.: Альпина Паблицер.

Лоуэнталь Д. (2004) *Прошлое — чужая страна*. СПб.: Владимир Даль; Русский Остров.

Малинова О.Ю. (2015) *Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности*. М.: Политическая энциклопедия.

Миллер А. (2020) «Враг у ворот истории. Как историческая память стала вопросом безопасности» // *Carnegie Endowment for International Peace*, 5.03. URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/81207_ (проверено 17.08.2023).

Немцев М. (2016) «Горе vs. гордость в постпамяти. Этика памяти и политика горя: расхождения неизбежны?» // *Гефтер*, 1.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18020> (проверено 17.08.2023).

Николай Ф.В. и А.В.Хазина. (2013) «На перекрестках гендерных и визуальных исследований. Концепция постпамяти М.Херш» // *Диалог со временем*, № 43: 162—170.

Нора П., ред. (1999) *Франция-память*. СПб.: Изд-во СПбГУ.

Петкевич Т.В. (1993) *Жизнь — сапожок непарный: Воспоминания*. СПб.: Астра-Люкс; [Челябинск]: АТОКСО.

Покида А.Н. и Н.В.Зыбуновская. (2016) «Динамика исторической памяти в российском обществе (по результатам социологического мониторинга)» // *Социологические исследования*, № 3: 98—107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (проверено 27.08.2023).

Путин В.В. (2021) «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства)» // *Президент России*, 21.04. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (проверено 17.08.2023).

«Россияне ответили на вопросы о сохранении памяти о своих предках». (2011) // *Ромир*, 22.11. URL: <https://romir.ru/studies/rodstva-nepromnyashchie> (проверено 17.08.2023).

«Семейная память важна для россиян — соцопрос ВЦИОМ и Музея истории ГУЛАГа». (2018) // *Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека*, 5.10. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/semeynaya_pamyat_vazhna_dlya_rossiyan_sotsopros_vtsiom_i_muzeya_istorii_gulaga_/?special_version=Y (проверено 17.08.2023).

Сонтаг С. (2014) *Смотрим на чужие страдания*. М.: Ад Маргинем Пресс.

Степанова М.М. (2017) *Памяти памяти: Романс*. М.: Новое изд-во.

«Три четверти россиян считают советскую эпоху лучшей в истории страны». (2020) // *Ведомости*, 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (проверено 17.08.2023).

«Указ об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». (2022) // *Президент России*. 9.11. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (проверено 17.08.2023).

Хальбвакс М. (2005) «Коллективная и историческая память» // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*, № 2–3: 8–27.

Хальбвакс М. (2007) *Социальные рамки памяти*. М.: Новое изд-во.

Хирш М. (2016) «Что такое постпамять» // *Уроки истории*, 17.07. URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/53287> (проверено 17.08.2023).

Хирш М. (2021) *Поколение постпамяти: Письмо и визуальная культура после Холокоста*. М.: Новое изд-во.

Цатурова С. К. (2018) «О пользе презентизма, или Как изучать истоки национального государства в ожидании его отмирания» // *Диалог со временем*, № 65: 59–72.

Чалфен Р. (2010) «Семейные фотографии как коммуникация посредством изображений» // *Социологический журнал*, № 2: 98–117.

Эппле Н.В. (2020) *Неудобное прошлое: Память о государственных преступлениях в России и других странах*. М.: «НЛО».

Эткинд А. (2016) *Кривое горе: Память о непогребенных*. М.: Новое литературное обозрение.

Юдин Г.Б., Д.О.Хлевнюк, А.С.Максимова, Н.Г.Фархатдинов, М.Я.Рожанский и Е.Ю.Васильева. (2017) *Какое прошлое нужно будущему России? Аналитический отчет по социологическому исследованию в рамках доклада Вольного исторического общества*. М.: Комитет гражданских инициатив.

Bertens L.M.F. (2019) «„Doing“ Memory: Performativity and Cultural Memory in Janet Cardiff and George Bures Miller’s *Alter Bahnhof Video Walk*» // *Holocaust Studies*, vol. 26, no. 2: 181–197.

Csikszentmihalyi M. and E.Rochberg-Halton. (1981) *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.

Erl A. (2011) «Locating Family in Cultural Memory Studies» // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303–318.

Gliszczyńska-Grabias A., U.Belavusau, and M.Mälksoo. (2021) «Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine» // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts*, vol. 69, no. 1: 95–117.

Hartog F. and S.Brown. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Holland P. (2008) «Sweet It Is to Scan: Personal Photographs and Popular Photography» // Wells L., ed. *Photography: A Critical Introduction*. London, New York: Routledge: 113–159.

Ireland A. (2020) «Creating Places-of-Memory: Photographs, Identity, and Matrilineality» // *The University of Maine. Electronic Theses and Dis-*

sertations, Summer. URL: <https://digitalcommons.library.umaine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4295&context=etd> (accessed on 17.08.2023).

Khapaeva D. (2016) «Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin's Politics of Re-Stalinization» // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 61–73.

Koselleck R. (2001) «Gebrochene Erinnerung? Deutsche und polnische Vergangenheit» // *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Jahrbuch 2000*. Göttingen: Wallstein: 19–32.

Schechner R. (2013) *Performance Studies: An Introduction*. London, New York: Routledge.

* Решением Минюста РФ внесен в реестр СМИ — «иностранных агентов».

R.E.Barash
FAMILY HISTORY
AND FAMILY MEMORY
IN RUSSIA OF THE 2020s

Raisa E. Barash — Ph.D. in Political Science; Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences. Email: raisabarash@gmail.com.

Abstract. The author explores how chronicle and memoirs, history and memory reconstruct the past, while simultaneously influencing each other, using the methodological division of commemorative resources. The empirical basis of the study is the data of surveys conducted by the scientific group of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences in the fall of 2020 and spring of 2022.

The sociological data help the author to clarify how today, in the post-memory era, the private and family memory of our compatriots responds to the state historical discourse and to what extent family history acts as a means of reconstructing the national past. With the growing interest of Russians in their own identity and their inclusion in digital communication, the popularity of genealogical projects is increasing, with the help of which not only family memory, but also national history, is reconstructed, and the perception of the past is changing. Information about family history is the most important source of information about national history. Emotionally and meaningfully

rich stories from eyewitnesses increase the historical interest of their children and grandchildren. History as a resource of identity turns post-memory carriers — close relatives, civil society, and bureaucracy — into creators of memory, and therefore history makers.

One of the most striking examples of genealogical mnemonic, which became possible due to the post-memorial commemoration, as well as the digitalization of archival information about the war period, is the Immortal Regiment project, which symbolically connects national history and family memory. With the help of digitized archival data and virtual genealogy projects, many Russians are successfully reconstructing family history, especially when unknown circumstances of family history are felt as a “premonition” of family memory. The “incompleteness” of stories of a significant part of Russian families, primarily about the 1930–1950 time period, gives rise to a demand for historical authenticity, but the perception of the past through the circumstances of the lives of relatives makes such perception less “white-or-black”, calling for a balanced and “understanding” assessment of history, whatever it may be.

Keywords: historical memory, tradition, identity, family memory

References

- “Akt grazhdanskogo soglasija i primirenija” [The Act of Civil Consent and Reconciliation]. (2016) // *Rassledovanie Karagodina* [Investigation of Karagodin], 21.11. URL: <https://karagodin.org/?p=11119> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)
- Alekseev A. (2008) “Pamjat’ semejnaja i istoricheskaja: točki pere-sechenija i razryvy (gipoteza o vlijanii semejnoj pamjati na mirovosprijatie)” [Family and Historical Memory: Points of Intersection and Gaps (Hypothesis on the Influence of Family Memory on the World’s Perception)] // *Teleskop: zhurnal sotsiologicheskikh i marketingovykh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research], no. 5: 49–50. (In Russ.)
- Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshlenija ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: KANON-press-Ts; Kuchkovo pole. (In Russ.)
- Anikin D.A. (2017) “Vizualizatsija istoricheskoy pamjati v setevom obshchestve: metodologicheskie osnovanija issledovanija [Visualization of Historical Memory in Network Society: Methodological Grounds for Research] // *Logos et Praxis*, vol. 16, no. 3: 32–39. (In Russ.)
- Antonovskiy A.Yu. (2015) “Ponimanie i vzaimoponimanie v nauchnoj kommunikatsii” [Understanding and Consensus in Scientific Communication] // *Voprosy Filosofii* [Problems of Philosophy], no. 2: 45–57. (In Russ.)
- Assmann A. (2014) *Dlinnaja ten’ proshlogo: Memorial’naja kul’tura i istoricheskaja politika* [Der lange Schatten der Vergangenheit: Erinnerungskultur und Geschichtspolitik]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann A. (2016) *Novoe nedovol'stvo memorial'noj kul'turoj* [Das neue Unbehagen an der Erinnerungskultur]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann A. (2019) *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Assmann J. (2004) *Kul'turnaja pamjat': Pis'mo, pamjat' o proshlom i politicheskaja identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti* [Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen]. Moscow: Jazuki slavjanskoj kul'tury. (In Russ.)

Barash J.A. (2011) “O voobrazhenii i meste kollektivnoj pamjati v obshchestvennoj sfere” [Articulations of Memory: Reflections on Imagination and Scope of Collective Memory in the Public Sphere] // *Filosofskie nauki* [Russian Journal of Philosophical Sciences], no. 2: 83–96. (In Russ.)

Barash R.E. (2017) “O nekotorykh prichinakh „sovetskoj“ nostalgii i osobennostjakh istoricheskoi pamjati rossijan o sovetskom periode” [Some of the Reasons for “Soviet” Nostalgia and Features of the Historical Memory of Russians about the Soviet Period] // *Sotsiologicheskaja nauka i sotsial'naja praktika* [Sociological Science and Social Practice], vol. 5, no. 4: 124–151. (In Russ.)

Barth F., ed. (2006) *Etnicheskie gruppy i sotsial'nye granitsy: Sotsial'naja organizatsija kul'turnykh razlichij* [Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Baunov A. (2021) “Razdvoenie pamjati. Zachem zakryvajut „Memorial“” [Bifurcation of Memory. Why Is Memorial Being Closed] // *Carnegie Endowment for International Peace*, 16.11. URL: <https://carnegie.ru/commentary/85782> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Bertens L.M.F. (2019) “„Doing“ Memory: Performativity and Cultural Memory in Janet Cardiff and George Bures Miller's *Alter Bahnhof Video Walk*” // *Holocaust Studies*, vol. 26, no. 2: 181–197.

“Bessmertnoe sovetskoe. Kak proshloe ostaetsja v semejnoi pamjati” [Immortal Soviet. How the Past Remains in Family Memory]. (2017) // *HSE*, 13.12. URL: <https://iq.hse.ru/news/212977562.html> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Chalfen R. (2010) “Semejnye fotografii kak kommunikatsija posredstvom izobrazhenij” [Interpreting Family Photography as Pictorial Communication] // *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], no. 2: 98–117. (In Russ.)

Colton T. (2022) “V chem smysl putinskogo konservatizma?” [What Does Putin's Conservatism Seek to Conserve?] // *Rossija v global'noj politike* [Russia in Global Affairs], 28.01. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/smysl-putinskogo-konservatizma/> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Csikszentmihalyi M. and E.Rochberg-Halton. (1981) *The Meaning of Things: Domestic Symbols and the Self*. Cambridge: Cambridge University Press.

“Den’ Pobedy — 23: Voennyj parad, georgievskaja lentochka i „Bes-smertnyj polk“ — glavnye elementy prazdnika 9 Maja” [Victory Day — 23: Military Parade, St. George Ribbon and “Immortal Regiment” Are the Main Elements of the Holiday on May 9] // *VTsIOM* [Russian Public Opinion Research Center], 4.05. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-pobedy-2023> (accessed on 25.09.2023). (In Russ.)

Epple N.V. (2020) *Neudobnoe proshloe: Pamjat’ o gosudarstvennykh prestuplenijakh v Rossii i drugikh stranakh* [An Inconvenient Past: The Memory of State Crimes in Russia and Other Countries]. Moscow: “NLO”. (In Russ.)

Erl A. (2011) “Locating Family in Cultural Memory Studies” // *Journal of Comparative Family Studies*, vol. 42, no. 3: 303—318.

Etkind A. (2016) *Krivoje gore: Pamjat’ o nepogrebennykh* [Warped Mourning: Stories of the Undead in the Land of Unburied]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Gliszczyńska-Grabias A., U.Belavusau, and M.Mälksoo. (2021) “Memory Laws and Memory Wars in Poland, Russia and Ukraine” // *Jahrbuch des öffentlichen Rechts*, vol. 69, no. 1: 95—117.

Gorshkov M.K., ed. (2022) *Istoricheskoe soznanie rossijan: otsenki proshlogo, pamjat’, simvoly (opyt sotsiologicheskogo izmerenija)* [Historical Consciousness of Russians: Assessments of the Past, Memory, Symbols (Experience of Sociological Measurement)]. Moscow: Ves’ Mir. (In Russ.)

Gudkov L.D. (2010) “Vremja i istorija v soznanii rossijan (chast’ II) [Time and History in the Consciousness of Russians (Part II)] // *Vestnik obshchestvennogo mnenija* [The Russian Public Opinion Herald], no. 2 (104): 13—61. URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/m4pa41dnbu/direct/79882243> (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Halbwachs M. (2005) “Kollektivnaja i istoricheskaja pamjat’” [Mémoire collective et mémoire historique] // *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul’ture* [NZ: Debates on Politics and Culture], no. 2—3: 8—27. (In Russ.)

Halbwachs M. (2007) *Sotsial’nye ramki pamjati* [Les cadres sociaux de la mémoire]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Hartog F. and S.Brown. (2015) *Regimes of Historicity: Presentism and Experiences of Time*. New York: Columbia University Press.

Hirsch M. (2016) “Chto takoe postpamjat’” [What Is Post-Memory] // *Uroki istorii* [Lessons from History], 17.07. URL: <https://stg.old.urokiistorii.nppsatek.com/article/53287> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Hirsch M. (2021) *Pokolenie postpamjati: Pis’mo i vizual’naja kul’tura posle Kholokosta* [The Generation of Postmemory: Writing and Visual Culture after the Holocaust]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

Holland P. (2008) “Sweet It Is to Scan: Personal Photographs and Popular Photography” // Wells L., ed. *Photography: A Critical Introduction*. London, New York: Routledge: 113—159.

Ireland A. (2020) “Creating Places-of-Memory: Photographs, Identity, and Matrilineality” // *The University of Maine. Electronic Theses and*

Dissertations, Summer. URL: <https://digitalcommons.library.umaine.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=4295&context=etd> (accessed on 17.08.2023).

Kaspe S.I. (2012) *Politicheskaja teologija i nation-building: obshchie položenija, rossijskij sluchaj* [Political Theology and Nation-Building: General Points, Russian Case]. Moscow: ROSSPEN. (In Russ.)

Khapaeva D. (2016) “Triumphant Memory of the Perpetrators: Putin’s Politics of Re-Stalinization” // *Communist and Post-Communist Studies*, vol. 49, no. 1: 61–73.

“Kolyma — rodina nashego strakha” [Kolyma Is the Birthplace of Our Fear]. (2019) // *YouTube*, 23.04. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=oolWou138rQ> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Koposov N. (2011) *Pamjat’ strogogo rezhima: Istorija i politika v Rossii* [The Strict Regime Memory: History and Politics in Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russ.)

Koselleck R. (2001) “Gebrochene Erinnerung? Deutsche und polnische Vergangenheit” // *Deutsche Akademie für Sprache und Dichtung. Jahrbuch 2000*. Göttingen: Wallstein: 19–32.

Kurilla I. (2014) “Istoricheskij jazyk vlasti v 2014 godu. Akademicheskaja versija evoljutsii istoricheskogo jazyka V.V.Putina v 2014 godu: „bezudernaja instrumentalizatsija istorii“” [The Historical Language of Authority in 2014. The Academic Version of the Evolution of V.V.Putin’s Historical Language in 2014: “Unrestrained Instrumentalization of History”] // *Gefter*, 26.12. URL: <https://gefter.ru/archive/13920> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Kurilla I. (2021) “Istorija kak jazyk politiki” [History as a Language of Politics] // *Novoe proshloe* [The New Past], no. 1: 104–126. (In Russ.)

Kurilla I. (2022) *Bitva za proshloe: Kak politika menjaet istoriju* [Battle for the Past: How Politics Changes History]. Moscow: Al’pina Publisher. (In Russ.)

Lowenthal D. (2004) *Proshloe — chuzhaja strana* [The Past Is a Foreign Country]. St Petersburg: Vladimir Dal’; Russkij Ostrov. (In Russ.)

Malinova O.Yu. (2015) *Aktual’noe proshloe: Simvolicheskaja politika vlastvujushchej elity i dilemmy rossijskoj identichnosti* [Actual Past: Symbolic Policy of the Ruling Elite and Dilemmas of Russian Identity]. Moscow: Politicheskaja entsiklopedija. (In Russ.)

Miller A. (2020) “Vrag u vorot istorii. Kak istoricheskaja pamjat’ stala voprosom bezopasnosti” [The Enemy at the Gate of History. How Historical Memory Has Become a Security Issue] // *Carnegie Endowment for International Peace*, 5.03. URL: <https://carnegiemoscow.org/commentary/81207> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Nemtsev M. (2016) “Gore vs. gordost’ v postpamjati. Etika pamjati i politika gorja: raskhozhdenija neizbezhny?” [Grief vs. Pride in Postmemory. Ethics of Memory and Politics of Grief: Are Discrepancies Inevitable?] // *Gefter*, 1.04. URL: <http://gefter.ru/archive/18020> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Nikolai F.V. and A.V.Khazina. (2013) “Na perekrestkakh gendernykh i vizual’nykh issledovaniy. Kontseptsija postpamjati M.Khersh” [At the Cross-Roads of Gender and Visual Studies: the Concept of Postmemory by Marianne Hirsh] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 43: 162–170. (In Russ.)

Nora P., ed. (1999) *Frantsija — pamjat’* [France — Memory]. St Petersburg: Izd-vo SPbGU. (In Russ.)

Petkevich T.V. (1993) *Zhizn’ — sapozhok neparnyj: Vospominanija* [Life Is an Unpaired Boot: Memoirs]. St Petersburg: Astra-Ljuks; [Chelyabinsk]: ATOKSO. (In Russ.)

Pokida A.N. and N.V.Zygunovskaya. (2016) “Dinamika istoricheskoy pamjati v rossijskom obshchestve (po rezul’tatam sotsiologicheskogo monitoringa)” [Dynamics of the Historical Memory in the Russian Society (Results of Sociological Monitoring)] // *Sotsiologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], № 3: 98–107. URL: https://www.socis.isras.ru/files/File/2016/2016_3/98-107_Pokida_.pdf (accessed on 27.08.2023). (In Russ.)

Putin V.V. (2021) “Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federatsii Federal’nomu Sobraniju Rossijskoj Federatsii (O polozhenii v strane i osnovnykh napravlenijakh vnutrennej i vneshnej politiki gosudarstva)” [Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (About the Situation in the Country and the Main Directions of Domestic and Foreign Policy of the State)] // *Prezident Rossii* [President of Russia], 21.04. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46794> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

“Rossijane otvetili na voprosy o sokhranении pamjati o svoikh predkakh” [Russians Answered Questions about Preserving the Memory of Their Ancestors]. (2011) // *Romir*, 22.11. URL: <https://romir.ru/studies/rodstva-ne-pomnyashchie> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Schechner R. (2013) *Performance Studies: An Introduction*. London, New York: Routledge.

“Semejnaja pamjat’ vazhna dlja rossijan — sotsopros VTsIOM i Muzeja istorii GULAGA” [Family Memory Is Important for Russians — Opinion Poll of the Russian Public Opinion Research Center and the GULAG History Museum]. (2018) // *Sovet pri Prezidente Rossijskoj Federatsii po razvitiyu grazhdanskogo obshchestva i pravam cheloveka* [The Presidential Council for the Development of Civil Society and Human Rights], 5.10. URL: http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/semeynaya_pamyat_vazhna_dlya_rossijan_sotsopros_vtsiom_i_muzeya_istorii_gulaga/?special_version=Y (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Sontag S. (2014) *Smotrim na chuzhie stradanija* [Regarding the Pain of Others]. Moscow: Ad Marginem Press. (In Russ.)

Stepanova M.M. (2017) *Pamjati pamjati: Romans* [Memory of Memory: Romance]. Moscow: Novoe izd-vo. (In Russ.)

“Tri chetverti rossijan schitajut sovetSKUju epokhu luchshej v istorii strany” [Three Quarters of Russians Consider the Soviet Era to Be the Best

in the Country's History]. (2020) // *Vedomosti*, 24.03. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2020/03/23/825985-tri-chetverti> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Tsaturova S.K. (2018) “O pol'ze prezentizma, ili Kak izuchat' istoki natsional'nogo gosudarstva v ozhidanii ego otmiraniya” [On the Benefits of Presentism or How to Study the Origins of Modern National State in Expectation of His Disappearance] // *Dialog so vremenem* [Dialogue with Time], no. 65: 59—72. (In Russ.)

“Ukaz ob utverzhenii Osnov gosudarstvennoj politiki po sokhraneniju i ukrepleniju traditsionnykh rossijskikh dukhovno-nravstvennykh tsennostej” [Decree on the Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values]. (2022) // *Prezident Rossii* [President of Russia], 9.11. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/69810> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)

Yudin G.B., D.O.Khlevnyuk, A.S.Maksimova, N.G.Farkhatdinov, M.Ya.Rozhansky, and E.Yu.Vasilieva. (2017) *Kakoe proshloe nuzhno budushchemu Rossii? Analiticheskij otchet po sotsiologicheskomu issledovaniju v ramkakh doklada Vol'nogo istoricheskogo obshchestva* [What Kind of Past Does the Future of Russia Need? Analytical Report on Sociological Research in the Framework of the Report of the Free Historical Society]. Moscow: Komitet grazhdanskikh initsiativ. (In Russ.)

“Zhit' s chistogo lista opasno: „Ogonek“ o tom, k chemu privodit razryv istoricheskoy pamjati” [It Is Dangerous to Live from Scratch: “Ogonyok” about What the Rupture of Historical Memory Leads to]. (2017) // *Ogonyok*, 10.06. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3330116> (accessed on 17.08.2023). (In Russ.)